

Максим Грек, уверяя его, что „последние царие“ Византии погибли именно потому, что „хищаху неправедне имена подручников, презираху свои бояры“.¹ „Почто, царю, сильных во Израиле побил еси и воевод, данных ти на врага твоя, различными смертями расторгл еси... и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханы от веки муки и смерти и гоненья умыслил еси. ? Чем провинили пред тобою и чем прогневали тя. ?“, — вопрошал Курбский в первом послании Ивану Грозному.²

Эта же тема проходит через оппозиционные своды конца XV века. „Недостойно быше православному великому осподарю, по всей подсолнечной сущю, и такими казньми казнити, и кровь проливати в святыи великий пост“, — рассказывает летопись, связанная с Ф. Басенком, описывая казнь серпуховских бояр в 1462 году. Промитрополичий свод 1489 года с большой тщательностью подбирает всевозможные примеры жестокости и несправедливости великого князя: тут и „обиды“ тверским боярам, и репрессии в Новгороде, и казни отдельных лиц. Особенно выразительны в этом отношении известия 6996 (1488) года — предпоследнего года свода. Перед нами как бы цельный рассказ о всевозможных казнях, репрессиях и несправедливостях великого князя. И завершается этот мрачный год зловещим предсказанием юродивого: „горети Москве на велик день“, — предсказанием, которое сбывается спустя некоторое время вопреки недоверию Ивана III.³

Летописание конца XV века перекликается с публицистикой XVI века не только по своей тематике. Poleмические приемы летописцев конца XV века тоже в значительной степени предвосхищали poleмические приемы их преемников.

Одним из излюбленных приемов русских публицистов была ирония, язвительная насмешка. Прием этот мы находим и у летописцев конца XV века, особенно в своде, который мы условно связываем с Федором Басенком. Блестящим образцом иронического стиля можно считать, например, место о ярославских чудотворцах, лучше всего сохранившееся в Ермолинской летописи. Начав с невинно-благочестивого заявления, что от гробов новых чудотворцев начало „прощати (исцелять) множество людей“, автор затем дерзко играет словами, говоря, что чудотворцы не принесли добра ярославским князьям: „простили ся они со своими вотчинами на век“, и доходит до прямого кощунства, объявляя самым „новым чудотворцем“ посланного Иваном III в Ярославль „Ивана Огафоновича Сущего, созиратая ярославской земли“ — „а иных его чюдес множество не мощно описати, ни исчести, понеже бо во плоти суще дьяшос (дьявол)“. Такой дерзкой иронии мы не найдем, пожалуй, даже у публицистов XVI века, хотя некоторые аналогии к этому месту встречаются. Вспомним, например, ответ Вассиана Патрикеева митрополиту Даниилу: „То ведает бог, да ты со своими чудотворцами“, и шутку Ивана Грозного по адресу „чудотворца“ Кирилла, который оказывается в худшем положении, чем опальные бояре: „Ино над Воротыньским церковь, а над чюдотворцем нет. Воротыньский в церкви, а чюдотворец за церковью! И на Страшном спасове судищи Воротыньский да Шереметев выше станут: потому Воротыньский церковью, а Шереметев законом, что их кирилова крепче“.⁴

Исполнены иронии и рассказы о военных неудачах в том же летописном своде. Продажного воеводу Беклемишева автор издевательски

¹ Максим Грек, Сочинения, ч. II, Казань, 1860, стр. 167, 184, 351.

² Послания Ивана Грозного, стр. 534.

³ ПСРА, VI, стр. 238; XX, стр. 353.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 173.